

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обзор материалов Всероссийской научно-практической видеоконференции «Правовая культура, правовая политика и права человека: XXI век»

21 декабря 2016 г. на базе четырех учебных заведений России – Барнаульского института МВД России, Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского университета им. Г. В. Плеханова, Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, Поволжского института им. П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации – и при информационной поддержке журнала «Правовая культура» состоялась видеоконференция на тему «Правовая культура, правовая политика и права человека: XXI век».

С приветственным словом к собравшимся обратились **Николай Сергеевич Яшин** – заместитель директора по научной работе и инновациям Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор, **Алексей Анатольевич Зелепукин** – заместитель директора по учебной и научной работе Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, **Александр Васильевич Богуцкий** – начальник ОН и РИО Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел России, кандидат юридических наук, доцент.

Н. С. Яшин отметил, что видеоконференция заявленных ее участников стала уже традиционной, а круг обсуждаемых юридических проблем всегда актуален с теоретической и практической точек зрения. Вопрос обеспечения прав человека во всем мире стоит особенно остро. Даже позиционирующие себя как современные демократические государства страны Старого Света показали неспособность обеспечить защиту базовых прав человека. Потребность исследования заявленной темы заключается в субъективных и объективных причинах, состоящих в необходимости выявления и анализа государственно-правовых закономерностей трансформации правовой культуры и тенденций развития правовой политики государства сквозь призму реализации прав человека.

А. А. Зелепукин подчеркнул, что объемность тематики видеоконференции «Правовая культура, правовая политика и права человека: XXI век» позволяет ее участникам сосредоточиться на широком спектре вопросов гуманитарного

и юридического характера, что в дальнейшем даст возможность субъектам правотворчества и правоприменения использовать теоретические рекомендации конференции в уточнении либо дополнении содержания основных направлений правовой политики, а также будет способствовать повышению эффективности деятельности сотрудников правоохранительной системы в сфере защиты прав, свобод и интересов человека и гражданина.

А. В. Богуцкий обратил внимание на полезность и плодотворность проведения научных форумов в форме видеоконференции. Она позволяет различным научным школам обмениваться мнениями по спорным темам общетеоретического и отраслевого характера, к которым относится и проблематика данного форума. Многих участников конференции, судя по характеру научных сообщений, объединяет два научных направления: правоохранительная политика, права человека и, разумеется, научно-прикладные вопросы отраслевого характера. Это, несомненно, будет способствовать совершенствованию правотворческой и правоприменительной практики.

С научным докладом на тему «Юридические требования уважения как принципа деятельности ОВД», подготовленным в соавторстве с **О. В. Смирновым** — инспектором по особым поручениям отдела по обеспечению безопасности крупных международных спортивных мероприятий управления организации охраны общественного порядка и взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления Главного управления МВД России по Самарской области, выступил **А. С. Мордовец** — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы России. Он обратил внимание участников конференции на то, что проблеме уважения в ее многомерном человеческом измерении — политическом, религиозном, нравственном, юридическом — гуманитарная наука уделяет все большее внимание. Что же касается заявленной тематики, то можно сказать однозначно: специальных исследований концептуального и системного характера, касающихся анализа юридических требований уважения как принципа деятельности органов внутренних дел в общей теории государства и права, не проводилось, что и обуславливает ее теоретическую и практическую актуальность.

Уважение одного субъекта к другому есть почтительное отношение к его чести и достоинству. В юридическом смысле оно нормативно выражено в обязанностях государственного органа, включая органы внутренних дел, не унижать честь и достоинство, деловую репутацию других субъектов права; не распространять сведения о частной жизни лица без его согласия; не получать излишних сведений для вынесения акта применения права о частной жизни субъекта правоотношения; не лишать субъекта правоотношения субъективных прав вне рамок установленной процедуры; выполнять оправданные физиологией лица пожелания; своевременно и точно информировать субъектов

правоотношений о вынесенных актах применения права, порядке их обжалования; обеспечивать субъектов правоотношений юридической помощью или представительством в разумные сроки и др.

При этом сотрудники органов внутренних дел должны не только осознавать необходимость соблюдения прав, свобод и интересов граждан, но и представлять свои возможности по защите или нарушению этих прав, свобод и интересов. Психологическая составляющая осуществления обязанностей при реализации принципа уважения прав человека заложена в чувствах, эмоциях, настроении отдельного сотрудника или коллектива сотрудников. Юридическая составляющая уважения прав человека обусловлена законностью, необходимостью и соразмерностью правомерного применения силы и властных полномочий в их действиях. Разумеется, уважение как принцип деятельности органов внутренних дел имеет под собой нравственное основание, которое базируется на почтительном отношении сотрудников к субъекту правоотношения. Впрочем, такая обязанность не исключает возможность наличия и негативных чувств и эмоций по отношению к конкретному лицу, но требует не выражать такие чувства в поведении. Обязанность почтительного отношения не связана с требованием его максимальности, т. к. она является трудноопределимой или не всегда достижимой. Вместе с тем возможность максимального почтения не исключается и характеризуется почтительным отношением к достоинству личности.

Уважение прав человека как принцип деятельности органов внутренних дел — это такая основополагающая идея их функционирования, согласно которой при осуществлении правоприменительной деятельности исключается любое унижение чести и достоинства личности, учитываются ее субъективные права, физиологическая природа, психология и т. п., обеспечивается юридическая помощь и (или) представительство. Разумеется, осуществление уважения прав человека в качестве принципа деятельности ОВД может иметь нормативные ограничения, обусловленные объективными возможностями правового регулирования и в рамках закона.

Т. А. Богорубова — заведующий кафедрой гуманитарных, социально-экономических и правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, кандидат социологических наук, доцент выступила с докладом на тему «Защита трудовых прав граждан в современной России как основа правовой культуры». Она отметила, что в современной России довольно многими работодателями нарушаются трудовые права работников. Конституция Российской Федерации гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в России, а также закрепляет, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45).

Данное положение получило развитие в разделе XIII Трудового кодекса РФ о защите трудовых прав работников, в соответствии с которым основными способами защиты трудовых прав работников являются:

самозащита работниками трудовых прав; защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами; государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; судебная защита (ч. 2 ст. 352 ТК РФ).

Многочисленные нарушения в области защиты трудовых прав работников происходят по следующим причинам:

– из-за боязни потерять работу и остаться без средств к существованию – сознательное допущение нарушения собственных трудовых прав в угоду работодателю;

– из-за низкого уровня правовой культуры, незнания работниками своих трудовых прав (и/или правового нигилизма);

– отсутствия или малого опыта защиты данных прав (т. е. низкого уровня знаний в области защиты своих трудовых прав).

Существуют и другие причины нарушений в сфере защиты трудовых прав работников.

Для разрешения обозначенных проблем необходима целенаправленная политика государства, направленная на повышение уровня правовой культуры общества, а также соответствующие меры по совершенствованию законодательства в сфере защиты трудовых прав работников.

И. Б. Милашова – доцент кафедры теории и истории государства и права Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова выступила с докладом на тему: «Государственная политика в сфере оборота культурных ценностей». Она подчеркнула, что в современных условиях глобализации актуальность приобретает проблема сохранения исторического культурного наследия каждой страны. Государственная политика Российской Федерации в сфере оборота культурных ценностей в первую очередь направлена на защиту их от незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на них. Определяя культурные ценности как движимые предметы материального мира, созданные трудом отдельных лиц и находящиеся на территории Российской Федерации, нормативные правовые акты относят к ним: исторические ценности, связанные с развитием общества и государства, науки, техники, жизнью и деятельностью выдающихся личностей; археологические предметы; художественные произведения; предметы культового назначения; произведения декоративно-прикладного искусства; старинные книги; редкие рукописи и документальные памятники; архивы; уникальные музыкальные инструменты; старинные монеты, ордена, медали, печати и другие предметы, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение.

Материальные культурные ценности, являясь объектами гражданских прав, могут принадлежать как государству в целом, так и конкретному гражданину. В целях сохранения исторической культурной идентичности государства и учитывая важность сохранения культурных ценностей для народа,

законодатель устанавливает приоритет публичных интересов над частными и определяет перечень категорий культурных ценностей, не подлежащих вывозу из страны. К ним относятся особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации, независимо от времени их создания; культурные ценности, постоянно хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках; культурные ценности, созданные более 100 лет назад.

Проблемы правового регулирования оборота культурных ценностей обусловлены рядом причин, к которым можно отнести: физическое разрушение культурного объекта от времени или в силу ненадлежащего отношения собственника к нему, криминальные посягательства, недостаточный контроль государства за вывозом за пределы страны, несовершенство национального законодательства, отсутствие единого международного правового подхода в данной области.

Планомерное совершенствование законодательства в области оборота культурных ценностей, государственная политика, проводимая в данной сфере, имеют особую значимость для всего общества в целом.

Ю. А. Панова — доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент представила участникам видеоконференции доклад на тему «Некоторые особенности криминологической характеристики члена экстремистского сообщества». Она отметила, что личность члена экстремистских преступных сообществ включает в себя свойства личности преступника в целом, организованного, профессионального и насильственного преступника, ее признаки зависят от места, занимаемого им в структуре преступного сообщества, и выполняемых функций. Выделяют четыре группы членов экстремистского сообщества: 1) лидеры; 2) непосредственные исполнители; 3) второстепенные исполнители; 4) лица, не являющиеся членами сообщества, но совершающие преступления в его интересах; 5) псевдоэкстремисты.

Лидеры преступного сообщества — это мужчины, свыше 85 % — лица в возрасте 30–45 лет, лица более старшего возраста передают полномочия молодым членам сообщества, оставаясь идеологами экстремизма. Лидеры организуют деятельность сообщества, социально активны, имеют навыки профессионального преступника. Около 80 % из них склонны к наркомафии. Имеют постоянное место жительства, семью, которая часто проживает отдельно, даже на территории другого государства. С возрастом у них наблюдается распад семейных связей. Это граждане Российской Федерации, имеющие основной источник доходов от преступной деятельности, в некоторых случаях не основной — от легальной трудовой деятельности. Для рассматриваемых лиц характерен высокий интеллект, развитые волевые качества, умение управлять эмоциями. Если рассматривать мировоззрение, то внешне они соблюдают общепринятые правила поведения, экстремистская идеология маскируется

иногда под нарочитой религиозностью. Они лживы, мстительны, жестоки, являются носителями экстремистской субкультуры. Как правило, лидеры не принимают непосредственного участия в совершении конкретных преступлений, за исключением террористических, ранее не судимы, рецидив имеется у 20 % из них. Судимы чаще всего за преступления против личности – 30 %, общественной безопасности – 20 %, общественного порядка – 7 %, корыстные преступления – 5 %.

Непосредственные исполнители – это в 80 % случаев мужчины в возрасте от 19 до 36 лет; около 40 % из них – служащие, студенты, бывшие спортсмены, военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов; 11 % – несовершеннолетние, которые нигде не учатся и не работают. Террористами становятся, как правило, мужчины до 30 лет либо от 30 до 50 лет. Лишь 54,3 % из них имеют среднее образование. Около 70 % не имеют постоянного источника доходов. Обладают навыками владения оружием и самообороны. У этих лиц наблюдается сниженный интеллектуальный уровень, неразвитые волевые качества, слабое умение управлять эмоциями. Им присущи стремления к разрешению конфликтов путем физического или психического насилия, к обладанию материальными благами; завышенная самооценка, отчужденность по отношению к окружающим, замкнутость, неспособность сострадать, уверенность в безнаказанности преступной деятельности, агрессивность, жестокость, хладнокровие, мстительность, расчетливость, эгоизм, страх, неуравновешенность, ненависть к людям, не разделяющим экстремистских идей, равнодушие к общественным ценностям, цинизм, самооправдание совершаемых экстремистских действий, готовность к самопожертвованию, склонность к суицидальному поведению и нанесению физического вреда самому себе, стремление к самоутверждению и завоеванию авторитета. Среди этих лиц высока доля рецидивистов: каждый третий из них ранее неоднократно судим, чаще всего за насильственные преступления.

Второстепенные исполнители. Свойства их личности почти не отличаются от характеристики законопослушных лиц, за исключением деформации мировоззрения. Преступления совершаются ими, как правило, из корыстных побуждений, по мотивам мести, по экстремистским мотивам. Эти лица могут даже являться сотрудниками правоохранительных органов. Они выполняют отдельные деяния в интересах экстремистского сообщества, не входя в его структуру: предоставляют информацию, жилое помещение, транспортное средство, помогают установить взрывное устройство, совершить убийство определенных лиц и др. Они не имеют устойчивой связи с экстремистским сообществом и в дальнейшем могут прекратить с ним всякие контакты.

Лица, не являющиеся членами сообщества, но совершающие преступления в его интересах (самоисламисты). Характеристика личности данных лиц во многом совпадает с характеристикой личности непосредственных исполнителей экстремистских преступлений. Они начинают разделять экстремистские взгляды, меняют мировоззрение, совершают экстремистские преступления, а затем могут стремиться стать членами экстремистского сообщества.

Псевдоэкстремисты — это лица от 14 до 25 лет, для них характерны черты личности несовершеннолетнего насильственного преступника. Молодые люди, не получая удовлетворения своих социально значимых потребностей, вступают в конфликт с обществом. У них имеется эмоциональная возбудимость, неумение сдерживаться, отсутствие навыков взаимодействия в обществе и, вместе с тем, желание самоутвердиться. Наиболее легкий способ завоевать «авторитет» — групповое совершение преступлений против жизни и здоровья. Осуществляя нападения на представителей другой расы, национальности, иных религиозных убеждений, эти лица не становятся автоматически носителями черт экстремистского преступника, их личностные деформации не являются глубокими. При позитивной коррекции личности они становятся законопослушными членами общества, при отсутствии профилактического воздействия — становятся непосредственными исполнителями в составе экстремистского сообщества.

Н. Л. Тарасова — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова выступила с сообщением на тему «Проблемы обеспечения законности в условиях глобализации». Она отметила, что правовой порядок и законность имеют приоритетное значение в правовой жизни современного общества и государства, поскольку служат средствами обеспечения прав и свобод граждан, их законных интересов, а также выполнения всеми субъектами права своих обязанностей.

Законность — это принцип, метод и режим реализации норм права, содержащихся в законах и основанных на них подзаконных нормативных актах, всеми участниками общественных отношений (государством, его органами, должностными лицами, общественными организациями, гражданами). Законность выражается в требованиях, обращенных ко всем субъектам правовых отношений, по соблюдению и исполнению законов и основанных на них нормативных правовых актов. Базовой нормативной основой осуществления режима законности в современной России является Конституция РФ. В ней нашли отражение качественные изменения российского общества, происшедшие на рубеже 90-х гг. XX столетия.

Обеспечение законности — важнейшее направление деятельности государства. Способами обеспечения законности являются различные виды контроля: президентский, парламентский, правительственный, судебный, внутриведомственный, прокурорский надзор. Укрепление законности возможно при определенных условиях. В их числе совершенствование законодательства, повышение эффективности правоприменительной практики, правовой культуры граждан и должностных лиц.

Законность — явление сложное, носящее ценностный и динамический характер. Формирование правового государства и установление законности — задача трудная, и ее решение возможно лишь в результате целенаправленных усилий самого общества.

Л. П. Волкова — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного

университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, доктор юридических наук, доцент в своем выступлении на тему: «Соблюдение прав субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении постоянного государственного контроля (надзора)» отметила, что в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, эксплуатирующих особо опасные производственные объекты или осуществляющих на таких объектах технологические процессы, вводится режим постоянного государственного контроля (надзора). Содержание названного режима заключается в постоянном пребывании должностных лиц постоянного государственного надзора на объектах повышенной опасности в целях проведения «мероприятий по контролю за состоянием безопасности и выполнением мероприятий по обеспечению безопасности на таких объектах».

Результат осуществления таких мероприятий нередко влечет неблагоприятные последствия для субъектов предпринимательской деятельности — от ограничения прав до запрета эксплуатации опасного производственного объекта. Поэтому в вопросе соблюдения прав и интересов названных субъектов наиболее актуальной является проблема законности контрольных мероприятий при осуществлении постоянного государственного надзора и применения принудительных мер или санкций по результатам таких мероприятий.

Для разрешения названной проблемы требуется внесение ясности в суть постоянного государственного надзора и его отличия от иных видов контрольно-надзорной деятельности в области промышленной безопасности. В частности, законодательством допускается проведение внеплановых проверок в отношении субъектов, эксплуатирующих опасные производственные объекты. При этом постоянный государственный надзор заключается в систематическом наблюдении уполномоченными на то должностными лицами за соблюдением требований в области промышленной безопасности, что делает бессмысленность таких внеплановых проверок.

Отсутствие в нормативных актах, регулирующих порядок осуществления постоянного государственного надзора, оснований и механизма осуществления таких проверок является одним из поводов вторжения в сферу постоянного государственного надзора различных контролируемых субъектов. В этом случае предпринимателям приходится испытывать на себе результаты дублирования полномочий таких субъектов.

Как известно, Конституцией РФ установлен запрет на применение нормативных актов, затрагивающих права и свободы, если они не были опубликованы для всеобщего сведения. Тем не менее практика постоянного государственного надзора считает возможным проверку соблюдения предпринимателями требований, содержащихся в неопубликованных ГОСТах, а законодательных способов противодействия этому не предусмотрено.

Можно и далее перечислять проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели при осуществлении постоянного государственного надзора. Однако

названное уже свидетельствует об отсутствии в законодательстве необходимых механизмов, гарантирующих соблюдение прав предпринимателей в рассмотренной контрольной сфере государства.

Л. В. Саенко — заведующий кафедрой гражданского права и процесса Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент сконцентрировала внимание аудитории на проблеме охраны и защиты семьи и семейных прав граждан, взаимосвязи общих норм Конституции России и специальных норм Семейного кодекса Российской Федерации. В частности, она подчеркнула, что Семейный кодекс РФ в качестве одного из основополагающих принципов семейного законодательства воспроизводит содержащиеся в Конституции РФ общие положения о том, что «семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства». К сожалению, действующее российское законодательство не раскрывает понятий «защита семьи» и «охрана семьи». Возникает закономерный вопрос: какой же юридический смысл вкладывать в содержание неоднократно используемых в Основном Законе терминов?

Анализ конституционных норм, регламентирующих охрану и защиту прав, позволяет сделать вывод о том, что в Конституции России и в действующем законодательстве в целом не проводится четкого разграничения этих понятий. Думается, охрану семьи возможно определить как один из институтов конституционного права и конституционного законодательства, как одно из важных направлений государственной социальной, в частности семейной, политики, включающее в себя экономические, организационно-управленческие, социальные, воспитательные и правовые меры и целостную систему мероприятий, направленных на всестороннюю поддержку института семьи, ее защиту от всех факторов, негативно влияющих на дальнейшее развитие семьи как основополагающей ячейки общества. Тем самым считать, что понятие «охрана семьи» более объемная категория чем защита семьи», соответственно, в правотворческой и в правоприменительной практике конституционного законодательства следует использовать термин «охрана семьи».

Насущным видится и внесение изменений в семейное законодательство, которые предусмотрели бы: определение семьи как основы общества; обеспечение наилучших интересов ребенка; приведение в соответствие с установленными мировым сообществом критериями ограничения прав граждан в семье; возможность признания в некоторых случаях фактических брачных состояний и др. Да и обеспечительные нормы об алиментах снова не соответствуют реалиям и потребностям сегодняшнего дня, являясь порой самыми сложными и неоднозначными в правоприменительной практике. Кроме того, назрела необходимость внести ряд изменений, которые улучшат содержание норм СК РФ с точки зрения нормотворческой техники, исключат имеющиеся противоречия с другими нормативными правовыми актами, устранят терминологические неточности, унифицируют термины.

Понятие брака в отечественном правоведении издавна несет в себе правовое начало, но следует подчеркнуть, что на протяжении всего исторического

развития институтов семьи и брака, их правового регулирования мы не найдем упоминания о закреплении в качестве общепризнанных норм ни возможности однополого сожителства, ни тем более разрешения таким «родителям» воспитывать детей.

Президент Российской Федерации четко высказал свою позицию по исследуемому вопросу. Выступая на Валдайском форуме, В. В. Путин подчеркнул, что еще одним серьезным вызовом российской идентичности являются события, происходящие в мире. Речь идет и о моральных аспектах. Президент РФ наметил основы дальнейшего развития государственной политики в семейно-правовой сфере, обозначив четкие и конкретные приоритеты ее будущего. В связи с этим представляется необходимым обсудить вопрос о легальном правовом определении брака и семьи в семейном законодательстве России, которое вообще пока не содержит понятия брака. Поэтому следует включить данную дефиницию в текст ст. 10 СК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Брак — это основанный на добровольных началах союз между женщиной и женщиной с целью создания семьи, зарегистрированный в установленном законом порядке». Либо дефиниции семьи и брака, вместе с другими, следует вынести в начало общей части СК РФ, в раздел «Общие положения».

А. В. Афанасьева — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова выступила с докладом на тему «Соблюдение прав и свобод человека в деятельности правоохранительных органов». Она отметила, что классификация конституционных прав, свобод и обязанностей граждан представлена в юридической литературе в соответствии с тремя сферами жизни и деятельности человека: область социально-экономической и культурной жизни; область общественно-политической и государственной жизни; область личной жизни и индивидуальной свободы.

Права человека и их защита — обязательные элементы в понимании сущности и содержания правового государства. Для российской правовой системы признание права человека означало необходимость пересмотра всего законодательства, всей системы правового регулирования в целях обеспечения признания, уважения и защиты прав человека. Отсюда вытекает потребность в изучении возможности формирования особой системы правозащитного регулирования. В России создана система органов, ответственных за обеспечение и защиту прав человека и гражданина. Основным правоохранительным государственным органом, призванным защищать права и свободы человека и гражданина, является прокуратура. Вся ее деятельность направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина, на поддержание законности и правопорядка. Прокуратура и другие правоохранительные органы — это защитники прав человека. Граждане должны спокойно работать, отдыхать и не бояться обращаться в правоохранительные органы за защитой своих прав.

Е. Т. Барбакадзе — доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат

юридических наук в своем выступлении на тему «Справедливое судебное решение — одна из гарантий защиты прав человека» отметила, что справедливость считают синонимом правосудия. Правосудие с древних времен изображали с повязкой на глазах, с весами и мечом. Это означает, что судящий должен быть беспристрастен, и прежде, чем решить, он обязан точно взвесить все «за» и «против», а решив, непреклонно проводить справедливое решение в жизнь. Справедливость судебного решения представляет собой универсальное явление и тесно связана с конституционным принципом независимости судей и подчинением только Конституции РФ и федеральному закону. Принимая за основу выводы теории права и процесса, представляется возможным акцентировать внимание на следующих положениях сущностной характеристики понятия справедливости судебного решения как объекта гражданско-процессуальной гарантии. Во-первых, данная категория имеет сложную и многозначную структуру и характеристику. Во-вторых, основу категории справедливости судебного решения составляют начала нравственности и морали. В-третьих, правовая сторона справедливости получает выражение исключительно в развитии категории «юридическая справедливость». В данном аспекте понятие «справедливость судебного решения» тесно соприкасается с понятием «законность», но имеет свое целевое правовое начало.

К. А. Грандонян — декан факультета экономической безопасности и таможенного дела, доцент кафедры теории и истории государства и права Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук представил доклад на тему «Электронная демократия как инструмент преодоления противоречий гражданского общества в России». Он подчеркнул, что развитие гражданского общества в России — процесс противоречивый, обусловленный различными юридическими факторами: классовыми, узкокорпоративными началами в праве; коррупциогенностью, нестабильностью и коллизией законодательства; бессистемной правотворческой активностью; социальной конфликтностью права; слабой правореализационной политикой, негативно отражающимися на качестве национальной безопасности.

В современной России гражданское общество критически оценивает эффективность государственной власти, ее неспособность или нежелание обеспечить социально-правовую защищенность личности. Оценка же полезности преобразований лежит на поверхности: повышение уровня жизни населения, его безопасность во всех проявлениях. Одно из направлений решения названных проблем видится в развитии электронной демократии. Основной смысл электронной демократии сводится к расширению доступа граждан к законотворческой деятельности; расширению доступа граждан к информации о состоянии текущих дел в государстве; увеличению эффективности обратной связи от общества к власти; появлению реальной возможности у граждан лоббировать свои собственные интересы без посредников

на местном, региональном и государственном уровнях; увеличению заинтересованности пассивных граждан в участии в политическом процессе за счет снижения материальных издержек.

Электронная демократия — реальный рычаг воздействия на принимаемые нормативные правовые акты на федеральном, региональном, муниципальном уровнях. В 2012 г. Президентом России был подписан Указ «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по применению информационных технологий и развитию электронной демократии». Этот подзаконный акт и стал одним из первых шагов по развитию электронной демократии, электронного гражданского законодательства в нашей стране. Сегодня наблюдается поступательное усиление использования гражданским обществом инструментов и технологий правового взаимодействия с государством, направленных на достижение социально-правовой защищенности граждан, обеспечение способности демократии к самосовершенствованию, гармонизации правовой жизни, непротиворечивого совместного правового развития государства и гражданского общества в целях создания необходимого уровня национальной безопасности.

П. А. Зеленский — доцент кафедры теории права Поволжского института управления им. П. А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат юридических наук представил доклад на тему «Проблема реализации права на бесплатную юридическую помощь в современной России». Было подчеркнуто право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленное в ст. 48 Конституции РФ: «в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно». Предусмотренный же Конституцией РФ специализированный закон, регулирующий отношения в рассматриваемой сфере, был принят лишь в 2011 г. (Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» № 324-ФЗ). Данный Закон установил круг лиц, имеющих право на бесплатную юридическую помощь (далее также — БЮП), а также определил круг субъектов, оказывающих такую помощь, их полномочия и требования к ним. Всех субъектов, оказывающих БЮП, Закон № 324-ФЗ разделил на две категории — участников государственной системы оказания бесплатной юридической помощи и участников негосударственной системы оказания БЮП. К первой категории Закон отнес федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения; органы управления государственных внебюджетных фондов; государственные юридические бюро. Устанавливается также возможность участия в государственной системе оказания бесплатной юридической помощи адвокатов, нотариусов и других субъектов в порядке, установленном действующим законодательством. Ко второй категории — участникам негосударственной системы оказания БЮП — отнесены юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и др.) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи.

Проблем реализации права на бесплатную юридическую помощь можно выделить достаточно много.

1. Федеральным законодательством ограничен перечень субъектов, имеющих право на получение БЮП в рамках государственной системы (граждане, среднедушевой доход семей которых ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации, либо одиноко проживающие граждане, доходы которых ниже величины прожиточного минимума; инвалиды I и II группы; дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, и др.). Соответственно, граждане, среднедушевой доход семей которых чуть выше прожиточного минимума, фактически нуждаясь в получении бесплатной правовой помощи, юридически уже не вправе претендовать на ее получение в рамках государственной системы.

2. Закон № 324-ФЗ предоставил субъектам Российской Федерации право принимать региональные акты, расширяющие перечень категорий граждан, имеющих право на бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы БЮП. В результате сложилась ситуация, когда, например, инвалид III группы, проживающий в Кировской области, имеет право на такую помощь, а проживающий в Удмуртии — не имеет.

3. Ограниченный перечень случаев оказания бесплатной юридической помощи (например, по вопросам, связанным с защитой прав потребителей, БЮП оказывается лишь в части предоставления коммунальных услуг). Еще более ограничен перечень случаев, когда государственные юридические бюро и адвокаты, являющиеся участниками государственной системы бесплатной юридической помощи, представляют в судах, и иных органах и организациях интересы граждан. В то же время у субъектов негосударственной системы БЮП, например, юридических клиник, чаще всего отсутствуют необходимые организационные ресурсы заниматься таким видом правовой помощи, как представительство интересов граждан в различных инстанциях. К тому же, виды правовой помощи, которые вправе осуществлять юридические клиники, ограничиваются законом лишь устным и письменным консультированием и составлением правовых документов. Соответственно, существует серьезная потребность в расширении гражданами возможностей получения бесплатной юридической помощи в форме судебного и иного представительства интересов граждан.

Таким образом, действующая система бесплатной юридической помощи в России требует своего дальнейшего совершенствования.

И. А. Земскова — преподаватель кафедры таможенного дела Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова затронула проблему «Содержание понятия “государственная услуга”». Она отметила, что на современном этапе развития общества сфера деятельности по оказанию услуг охватывает почти все стороны жизни человека. Помощь оказывают практически все организации, все зависит от потребностей человека.

Государственные услуги — это то, чем человек пользуется на протяжении всей своей жизни, начиная с рождения. Под термином «государственная услуга» подразумевается действие, совершаемое какой-либо организацией или учреждением и приносящее определенную пользу. Понятие «услуга» для российского законодательства не ново. Например, в Конституции РФ оно определено как вид материальной деятельности (ст. 8, 74); в Бюджетном кодексе РФ в качестве минимальных государственных стандартов (ст. 6, 65); в Гражданском кодексе РФ как объект гражданских прав (ст. 128, 129); в Налоговом кодексе РФ понятие услуги введено для целей налогообложения (ст. 38) и др. При детальном рассмотрении содержания понятия «государственная услуга» становятся очевидными некоторые сложности с терминологией. В правовом поле одновременно существует несколько определений государственной услуги, которые к тому же используются параллельно с другими терминами. Так, одновременно используются два понятия: «государственная услуга» и «бюджетная услуга». Например, в Бюджетном кодексе РФ:

— термин «бюджетная услуга» применяется в нормах, которые регулируют вопросы распределения финансовой помощи. Речь идет о бюджетных услугах «в расчете на одного жителя», т. е. подобные услуги в первую очередь рассматриваются как услуги, оказываемые бюджетными учреждениями для населения;

— понятие «государственные (муниципальные) услуги» используется в Бюджетном кодексе РФ в связи с постановкой заданий на оказание услуг, контроля за их предоставлением и др. При этом такие услуги сопоставляют с бюджетными учреждениями, т. е. считается, что они могут их оказывать.

Эти примеры подтверждают то, что понятия «государственные услуги» и «бюджетные услуги» схожи по смыслу. Поэтому некоторые ученые считают целесообразным их «разделение». В частности, бюджетные услуги можно отнести исключительно к деятельности бюджетных учреждений, а государственные — к деятельности органов государственной власти. Правда, правовых оснований для такого деления нет. С целью подтверждения правильности подхода, в соответствии с которым государственная услуга представляет собой конечный продукт деятельности органов исполнительной власти, необходимо рассмотреть некоторые определения государственных услуг, закрепленные в нормативных правовых актах России. Например, ст. 6 БК РФ закрепляет, что государственные (муниципальные) услуги (работы) — это услуги (работы), оказываемые (выполняемые) в соответствии с государственным (муниципальным) заданием органами государственной власти (органами МСУ), бюджетными учреждениями, иными юридическими лицами. Данное определение несколько шире понятия государственных и муниципальных услуг.

Еще один вариант регламентации государственная услуга получила благодаря Федеральному закону № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Он гласит, что государственная услуга — это деятельность по реализации функций федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда,

исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, органа МСУ при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Федерации, осуществляемая в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и ее субъектов полномочий органов, предоставляющих государственные услуги по запросам заявителей. Бесспорно, что рассмотренные легально закрепленные дефиниции государственных услуг не одинаковы по своему смыслу, а это, как следствие, порождает различное их научное и практическое толкование. Стоит согласиться с мнением о том, что определение понятия «государственная услуга», разработанное учеными, качественно доминирует в плане толкования над легально зафиксированным определением понятия «государственная услуга», которое, как выясняется, нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Г. В. Мавлютова — старший преподаватель кафедры теории и истории Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук затронула тему «Роль права и государства в решении экономических проблем: вопросы теории и практики». Она отметила, что рассмотрение вопроса о соотношении права, государства в системе решения экономических проблем необходимо проводить в теоретической и практической плоскости. Государство и право являются результатом динамичной социализации общества и развития межличностных отношений. Для обеспечения формирования единого целенаправленно развивающегося сообщества необходимо качественное развитие экономической среды. Любое общество и любой процесс не могут развиваться в идеальных, «тепличных» условиях. При выполнении стоящих перед государством экономических функций будут возникать различные внешние и внутренние, объективные и субъективные факторы, которые, с одной стороны, будут способствовать развитию экономических процессов, с другой — могут осложнять и корректировать, например, векторы бюджетной и налоговой политики, системы поддержки развития банковского сектора и предпринимательства. Взаимодействие между данными категориями заключается в том, что именно государство устанавливает правовой механизм для развития экономических отношений. Государство через правовые нормы регламентирует национальную экономику, принимает меры для развития рыночной экономики. Экономические отношения, являясь формой общественных отношений, базируются на нормах права, устанавливаемых государством, и функционировать и развиваться могут лишь в правовой форме.

Таким образом, сегодня роль права и государства в решении экономических проблем определяется как регламентирующая с обязательными элементами антикризисных мер поддержки развития в случае необходимости. Ярким практическим примером является механизм развития национальной системы экономики России и минимизация последствий и рисков в условиях введенных экономических санкций. Именно благодаря эффективному взаимодействию

государственных органов и субъектов экономической системы, в том числе посредством осуществления грамотной правотворческой деятельности, можно говорить о минимизации кризисных явлений в нашей стране.

Ламия Таджир кызы Мамедова — преподаватель кафедры таможенного дела Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова выступила с докладом на тему «Нормативно-правовые основы повышения качества таможенных услуг в условиях единого экономического пространства». Она высказалась относительно необходимости приведения к единообразию нормативно-правовой основы, регулирующей таможенное законодательство, формирование которого началось задолго до создания единого экономического пространства между странами Евразийского экономического союза. В первую очередь унификация таможенного законодательства окажет существенное влияние на повышение качества таможенных услуг стран — участниц Союза. В качестве практического шага в сторону единообразия нормативно-правовой основы таможенного дела можно назвать принятие Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

Нормы нового кодекса содержат передовые идеи, апробированные практикой таможенного дела в зарубежных странах. При этом основной акцент в развитии таможенных услуг сделан на переходе на полное электронное декларирование во всех странах — участницах Союза, что значительно ускорит время и качество оказания таможенных услуг при выпуске товара. «Модернизировано» и управление таможенным законодательством на наднациональном уровне, что будет способствовать повышению уровня доверия между странами Союза и совершенствованию таможенных технологий.

В. Н. Украинский — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова представил подготовленный в соавторстве с **Л. Н. Земцовой** — кандидатом юридических наук, доцентом кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, председателем суда общей юрисдикции в отставке — доклад на тему «Повышение финансовой грамотности населения как основной принцип информационной безопасности». Он отметил, что в современных условиях социально-экономического и политико-правового развития российского общества повышается роль финансовой деятельности государства, что требует соответствующего уровня финансовой культуры субъектов финансово-правовых отношений. Решение этой важной задачи немыслимо без повышения финансовой грамотности населения. Расширение линейки банковских продуктов, услуг страховых компаний, микрофинансовых организаций, кредитных потребительских кооперативов, ломбардов и других некредитных финансовых организаций, повышение их качества и доступности связаны с уровнем правосознания граждан как потребителей финансовых услуг, пониманием сути финансовых правоотношений, в которые

вступает гражданин, осознанием ответственности по заключаемой сделке и наступлением негативных последствий для гражданина в случае невыполнения им принятых на себя обязательств. Поэтому вопросы повышения финансовой грамотности населения вполне можно рассматривать как основные принципы информационной безопасности страны, а также учитывать указанные аспекты как характерные проблемы информационной безопасности в современной экономике.

В связи с изложенным обращает на себя внимание определение национальной безопасности, данное в Стратегии национальной безопасности до 2020 г., как состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства. Ситуация, сложившаяся на финансовом рынке, связанная с незаконными методами взыскания просроченной задолженности, деятельностью коллекторских агентств, является весьма злободневной с обозначенных позиций. Несомненно, финансовые обязательства гражданами должны исполняться, иначе будет нарушен общеправовой принцип сочетания прав и обязанностей, но речь идет о корректности действий по взысканию долга, необходимости неукоснительного соблюдения правовой позиции Конституционного Суда РФ о гражданах как наиболее слабой стороне в финансовых правоотношениях, нуждающейся в усиленной государственной защите. Следует согласиться с выводом Н. И. Химичевой о необходимости усиления социальной направленности финансово-правового регулирования.

Таким образом, новеллы и традиции правового регулирования в сфере повышения финансовой грамотности населения с позиций обеспечения национальной безопасности подлежат исследованию финансово-правовой доктриной, что приобретает особую важность при рассмотрении юридической доктрины как источника права. Сочетание частно-правовых и публично-правовых начал в регулировании банковской деятельности и деятельности не кредитных финансовых организаций на финансовом рынке призвано обеспечить эффективность механизма защиты прав и законных интересов субъектов финансовых правоотношений, включая усиленную защиту физических лиц как слабой стороны финансовых правоотношений.

В. Е. Халиулин — доцент кафедры теории права Поволжского института управления им. П. А. Столыпина — филиала РАНХиГС при Президенте РФ остановился на теме «Правовая культура — основа понимания норм права». Он отметил, что процесс понимания, уяснения права представляет собой деятельность субъектов права по восприятию и толкованию норм права. Главная цель при этом — правильно понять смысл правовой нормы, ее основные положения, выяснить характер и вид действий, возможных и необходимых для соблюдения содержащихся в ней предписаний. Возможности восприятия субъектом норм права зависят от наличия и качества ряда факторов, таких как имеющиеся знания о праве, специфика реализации той или иной нормы,

стоящие перед субъектом права цели, доступные юридические средства, мотивация. Перечисленные субъективные предпосылки понимания права объединяются в правовое сознание личности, которое проходит свое становление в процессе жизнедеятельности субъекта, формируется в уже имеющейся правовой реальности, впитывая в себя сложившиеся традиции, менталитет, стереотипы и т. д. Таким образом, правосознание, особенно на начальных стадиях становления, является порождением существующей в обществе правовой культуры. По своей сути правосознание является идеальным (т. е. в мозгу человека, посредством эмоций и знаний) отражением окружающей человека правовой действительности. В этой логической связке роль правовой культуры как первичной среды, в рамках которой и проходит становление правосознания, как никогда велика.

Правовая культура, с одной стороны, навязывает субъекту те или иные правовые ценности, содержательно формирует правовое сознание, а с другой — мотивирует субъекта, ориентирует его в правовой реальности, поскольку правовая культура общества, группы, являясь объективной социальной реальностью, заставляет субъекта приспосабливаться к себе, воспринимать ее ценности, сложившиеся способы действия в праве, менталитет. Тем самым, правовая культура, создавая предпосылки для формирования соответствующего ей правосознания, предопределяет возможности субъектов права по толкованию норм, служит отправным ориентиром его понимания. Как следствие, понимание права требует развития, совершенствования правовой культуры, а также совершенствования механизмов ее воздействия на правосознание субъектов права.

А. А. Шаповалов — доцент кафедры теории и истории государства и права Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент заострил внимание участников видеоконференции на теме «Политическая ответственность в системе публичной власти». Он подчеркнул, что сегодня в Российской Федерации вопрос политической ответственности в системе публичной власти является весьма актуальным и дискуссионным. Актуальность проблемы выражается в том, что большинство должностных лиц государственной и муниципальной власти не осознают и не желают осознавать социальную роль публичной власти в обществе. На сегодняшний день в Российской Федерации сложилась такая практика, что место депутата или государственного (муниципального) служащего рассматривается как инструмент получения дополнительных властных или материальных ресурсов. В конечном счете, обделенными и обманутыми остаются граждане России.

Видимо, для решения обозначенной проблемы нужно сделать следующее: создать нормативно-правовую базу, регулиующую политическую ответственность в системе публичной власти (на сегодняшний день она отсутствует); разработать систему критериев оценки эффективности работы для всех уровней публичной власти; активизировать деятельность институтов гражданского общества; повысить уровень демократического контроля над деятельностью

государственных и муниципальных служащих; принимать на должность государственных служащих образованных, компетентных, профессионально подготовленных людей с высоким уровнем правосознания.

О. Е. Уфаева — соискатель кафедры теории и истории государства и права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) подчеркнула важность обращения к теме «Институт прав и свобод недееспособных граждан в современной России» и отметила, что права и свободы недееспособных граждан в качестве межотраслевого института, к сожалению, практически не исследованы в научной литературе, хотя и находят свое отражение как в международном, так и в российском законодательстве. Институт прав и свобод недееспособных граждан составляют нормы, определяющие правовой статус лиц данной категории, их взаимоотношения с государством и обществом. Известно, что теория прав недееспособных граждан составляет часть теории прав человека. И признаки, характеризующие общее понятие «права человека», полностью распространяются на категорию «права недееспособных граждан». В то же время права недееспособных граждан являются самостоятельной и специфической правовой категорией, характеризуются своими особенностями, обусловленными объективными и субъективными факторами. Объективным фактором, например, является наличие у недееспособных граждан психического расстройства, препятствующего самостоятельной реализации ими своих прав. К субъективным факторам можно отнести, во-первых, опосредованную реализацию прав и свобод недееспособных граждан. Как известно, каждый недееспособный гражданин имеет в обязательном порядке законного представителя или опекуна, который имеет право действовать от его имени. Во-вторых, законодательное ограничение прав и свобод недееспособных граждан. Так, существуют законодательно закрепленные исключения, относящиеся к правам недееспособных граждан: например, недееспособные граждане не могут избирать и быть избранными в органы государственной власти (ч. 3 ст. 32 Конституции РФ), не могут вступать в брак (ст. 14 Семейного кодекса РФ). Недееспособные граждане лишены прав и обязанностей, которые могут быть осуществлены только лично и исполнение которых не может быть поручено другим лицам (например, согласно ст. 73 Семейного кодекса РФ граждане, страдающие психическим расстройством, могут быть ограничены в родительских правах). В-третьих, в процессе реализации и защиты прав недееспособных граждан постоянно участвует субъект — орган опеки и попечительства, осуществляющий контрольные функции по отношению к опекуну и третьим лицам.

Таким образом, в силу как объективных, так и субъективных причин категория «права человека» шире по содержанию категории «права недееспособных граждан», они соотносятся как общее и частное.

Правам недееспособных граждан присущи все признаки прав человека. Во-первых, права и свободы недееспособных граждан социально и исторически детерминированы. Вполне очевидно, что вне общества права и свободы теряют всякий смысл. Во-вторых, права и свободы недееспособных граждан

могут быть раскрыты через категорию «возможность»: они представляют собой возможности в различных сферах жизнедеятельности: экономической, социальной, политической, культурной и др. В-третьих, права и свободы недееспособных граждан — неотъемлемые, вытекающие из природы человека и независимые от усмотрения государства права. В-четвертых, права и свободы недееспособных граждан в числе прочих прав человека закреплены в законодательстве России и в международных правовых актах. В частности, гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен быть вызван в судебное заседание, если его присутствие в судебном заседании не создает опасности для его жизни или здоровья, для предоставления ему судом возможности изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей (ч. 1 ст. 284 Гражданского процессуального кодекса РФ).

Однако специфика реализации и защиты прав данной категории граждан требует, по нашему мнению, выделения и закрепления их прав и свобод в отдельном нормативном акте.

Особенности прав и свобод недееспособных граждан следующие: психическое состояние этих лиц. Именно наличие психического расстройства выступает основанием для признания гражданина недееспособным в судебном порядке, а также ограничения его в некоторых правах и свободах; они могут реализовываться и защищаться как лично, так и при помощи опекуна без специального полномочия. В соответствии со ст. 31, 32 Гражданского кодекса РФ опекуны являются представителями подопечных в силу закона и совершают от их имени и в их интересах все необходимые сделки, они выступают в защиту прав и интересов своих подопечных в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах. Лично недееспособный гражданин может, например, реализовывать право на труд — в случае, если он имеет рабочую группу инвалидности. Кроме того, в процессе реализации и защиты прав и свобод недееспособных граждан в отношении между недееспособным гражданином и опекуном присутствует орган опеки и попечительства; недееспособные граждане наделены законодательством дополнительным правом — иметь законного представителя (опекуна), который представляет интересы подопечного во всех организациях и органах.

Определение понятия «права и свободы недееспособных граждан» можно сформулировать следующим образом: это социально и исторически детерминированные, а также обусловленные психическим состоянием возможности человека, признанного недееспособным в судебном порядке, которые характеризуют его правовой статус в различных сферах, реализуются и защищаются лично либо при помощи опекуна под контролем органа опеки и попечительства.

А. Г. Репьев — старший преподаватель кафедры административного права Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел РФ, кандидат юридических наук выступил с докладом на тему «Форменное обмундирование и знаки отличия сотрудников полиции как средства визуализации правового статуса и преимуществ: XIX–XXI вв.». Он подчеркнул,

что историческая и правовая наука отчетливо свидетельствует, что получение отдельными членами общества дополнительных прав и больших возможностей, было неизбежно, так же, как неминуемо было последующее разделение людей на классы, сословия. В юридическом отношении воплощением индивидуализации стало получение отдельными лицами специального правового статуса. Его элементами помимо прав, обязанностей, ограничений, запретов, ответственности выступают также и правовые преимущества. Речь идет о юридическом средстве, заключающемся в правомерной возможности субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне и выражающемся как в предоставлении особых дополнительных прав и возможностей так и в неподверженности определенным нормам, обязанностям, запретам и ограничениям. Имевшиеся правовые преимущества необходимо было визуализировать. Исторически сложилось, что наиболее распространенными средствами внешней демонстрации отличия в правах и дозволениях являлись: одежда и ее атрибуты (пояса, ленты, обувь и пр.), а также знаки, носимые поверх одежды (ордена, значки, медали и пр.). При этом эволюционировали они сообразно развитию представлений государства и общества о ценностях, подчеркивающих материальное, социальное и правовое положение человека. Знаки, символизирующие статус полицейского и отличающие его от других чиновников, появились лишь в XIX в. До реформы императора Александра I единственным исключительным атрибутом был темляк, используемый при ношении сабли или шпаги. Начиная с 1809 г. были предприняты попытки повысить правовое и социальное положение служителей правопорядка, улучшить субординацию внутри ведомства и подчеркнуть иерархию классовых чиновников и офицеров. Последние, к примеру, стали носить на мундире серебряные петлицы.

Император заботился не только о визуализации преимуществ высших полицейских чинов. Городовым и полицейским урядникам разрешено было носить поперечные погоны в соответствии с чинами действительной военной службы. Околоточные надзиратели, разделенные на два разряда, получили золотые нашивки на погоны: для первого разряда — две, для второго — одна. Данное решение было важно для подчеркивания правового статуса полицейских, ставших прообразом современного участкового уполномоченного полиции. Присутствие на форменном обмундировании должностных лиц полиции атрибутов, изготовленных из драгоценных металлов, просуществовало до конца Российской империи. С начала становления Советской Республики государство пошло по пути удешевления и упрощения элементов визуализации статуса служащего. Принятые нормативные акты ликвидировали имевшиеся чины, звания, титулы и иные отличия полицейских. Позднее внутренние и внешние угрозы государству подтолкнули к первым шагам преемственности в обмундировании служащих через элементы различий в занимаемом положении. С созданием регулярной рабоче-крестьянской милиции вновь появляются знаки отличия, различия в форменном обмундировании низовых звеньев и командиров. К их числу можно отнести значок-кокарду на головной убор, звезды и цветные поля-клапаны (петлицы) командного состава на концах

воротника рубахи и шинели. Разумеется, ни о каком изготовлении данных атрибутов из драгоценных металлов не могло быть и речи — знаки изготавливались из приборного сукна.

Современное законодательство Российской Федерации свидетельствует, что знаки отличия не только отражают принадлежность сотрудника органов внутренних дел к службе, но и обеспечивают визуальное сопровождение, демонстрацию элементов его специального правового статуса, в частности преимуществ. В их основе сегодня, как и ранее, — государственные и общественные заслуги, достижения в различных видах оперативно-служебной деятельности, высокие интеллектуальные, боевые и профессиональные качества. К примеру, знаки отличия по специальным званиям размещаются на погонах. Сотрудник органов внутренних дел, имеющий специальное звание полковника (полиции, юстиции, внутренней службы) обладает преимуществами в форме привилегий. К ним относится, в частности, дополнительная площадь жилого помещения размером 20 кв. м. Другие преимущества основаны на высоких достижениях по профессиональной служебной, физической и огневой подготовке и визуализируются при помощи отличительных знаков в соответствии с присвоенным квалификационным званием. Выражена привилегия в форме дополнительных материальных выплат в размере от 5 % до 15 % оклада.

Итак, исторически сложилось, что наиболее отчетливо положение человека в обществе, совокупность его прав и преимуществ демонстрировало форменное обмундирование государственных служащих. От достижения цели простой индивидуализации, со временем, оно стало преследовать и более серьезные задачи — выражение государственного устройства, правовой политики, которую стремился реализовать аппарат власти. По покрою мундира и декоративным элементам можно было определить место человека на социальной и служебной лестнице. В дальнейшем, несмотря на попытки административным путем ликвидировать отличия в правовых статусах служащих, искусственно установив всеобщее равенство, запретив средства визуализации различий, естественная дифференциация положений за счет преимуществ одних над другими вернула ранее имевшиеся исторические порядки. Этому способствовала объективная необходимость укрепления служебной дисциплины и подчинения через элементы иерархии, а также стимулирования добросовестного выполнения должностных обязанностей путем предоставления улучшенных бытовых условий, дополнительных поощрительных выплат.

А. М. Репьева — преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел РФ, кандидат юридических наук выступила с докладом на тему «Формирование правовой культуры несовершеннолетних осужденных как средство пенитенциарного воздействия». Она обратила внимание участников видеоконференции на то, что проблематика эффективного применения мер воздействия к несовершеннолетним осужденным в местах лишения свободы неоднократно становилась предметом научных изысканий. За сухой формулировкой «меры воздействия» скрывается комплекс проводимых мероприятий. Изучение

нормативно-правовой базы функционирования системы исполнения наказания не позволило выявить законодательного закрепления понятия «меры воздействия» и его составных элементов. Анализ этимологии слова «воздействие» приводит к выводу о том, что любое направление работы, которое может оказать влияние на подростка в местах лишения свободы, и будет являться одной из мер воздействия. Именно их совокупность образует комплекс, систему исправления осужденного. Логично, что разработка подхода к их классификации будет положительно сказываться и на содержательном аспекте их закрепления в законодательстве, и на их воплощении в жизнь.

Определившись с комплексом мер воздействия, для того чтобы понять, какие из них и в каком объеме следует применять к осужденному, необходимо глубоко изучить его личность. Важно помнить, что личность преступника представляет совокупность социально значимых негативных свойств, образовавшихся в ней в процессе многообразных взаимодействий в социуме. Все меры воздействия, осуществляемые в отношении несовершеннолетнего в местах лишения свободы, должны исходить из формирования мировоззрения подростка на присущих психологических особенностях трех основным социальным «Я»: Я — индивид; Я — подросток; Я — преступник. И если первые два «Я» с помощью мер воздействия необходимо просто корректировать, то последнее «Я» должно быть полностью ликвидировано. Данный тезис можно подтвердить тем фактом, что итогом работы сотрудников системы исполнения наказания в виде изоляции подростка от общества должна быть подготовка и введение в социум вне колонии полноправного его члена. Только это будет указывать на положительные результаты деятельности.

Как известно, характер человека на 50 % обусловлен генетическим «наследством», а на 50 % — зависит от воспитания. Существует объемная составляющая внешних факторов, которые влияют на формирование особенностей характера ребенка. Соответственно, выстраивать комплекс мер воздействия необходимо с учетом исследования вышеуказанных трех составляющих, каждая из которых включает присущую ей специфику, формируя в совокупности характер и правовую культуру несовершеннолетнего осужденного.

Ю. А. Александрова — ведущий научный сотрудник отделения Центра научных исследований Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат политических наук выступила с докладом на тему «Некоммерческие организации как структурный элемент гражданского общества в системе интеракции политической власти и общественности современной России». Она отметила, что на протяжении всего периода существования современной России вопросы определения статуса и роли общественных объединений и некоммерческих организаций в системе общественно-политического диалога неизменно привлекают к себе весьма пристальное внимание. Значительное увеличение количества общественных объединений, произошедшее во второй половине 1990-х гг., а также нередко номинальный характер их фактической деятельности не просто актуализировали вопрос о степени развитости гражданского

общества, но и обусловили необходимость выработки более или менее определенной стратегии и вектора развития данной формы гражданской активности. Как свидетельствуют вносимые в действующее законодательство изменения и дополнения, в качестве подобного вектора был выбран ориентир на четкое определение и регламентацию допустимых границ, в рамках которых возможно функционирование некоммерческих организаций.

Введение в российское правовое поле понятий некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, некоммерческой организации — исполнителя общественно полезных услуг, закрепление оснований для признания некоммерческой организации участвующей в политической деятельности создали прецедент внешнего регулирования функционирования НКО в пространстве общественно-политических отношений. С одной стороны, при признании принципа недопустимости вмешательства «органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательства общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц» (в соответствии с Федеральным законом «Об общественных объединениях») к уже существующим требованиям, предъявляемым к объединениям, добавляются новые, в определенной степени ограничивающие коридор их возможностей. С другой стороны, на некоммерческие организации потенциально возлагаются некоторые функции органов государственной власти (например, деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, деятельность по оказанию услуг, направленных на социальную адаптацию и семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей, и др.).

Иными словами, проводимая в отношении некоммерческих организаций государственная политика ориентирована не столько на поступательное совершенствование механизмов развития гражданского общества, сколько на реализацию двойственной политики. При попытках хотя бы формального соблюдения интересов максимально широкого круга участников политического процесса неизменно акцентируется внимание на объектном статусе гражданского общества в целом и его отдельных структурных элементах в процессе взаимодействия политической власти и общества.

Материал подготовил профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, заместитель главного редактора журнала «Правовая культура», доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации А. С. Мордовец